

деть думать, обвиняя неблагодарнаго... (ударя себя въ лобъ и ломая руки). Но мое честное слово!..

**Василій Мих.:**—Неблагодарнаго? Какъ это ты сдѣлался неблагодарнымъ? Противъ кого? Да, ты бы сдѣлался неблагодарнымъ и преступникомъ, если бы оставилъ Николая Михалыча, который дышетъ однимъ тобою... А эта бабушка, она, повѣрь, пожалуйста, больше сдѣлала тебѣ зла, нежели добра—я мои слова готовъ повторить при самомъ императорѣ...

**Юрій:**—По крайней мѣрѣ, она желала дѣлать добро.

**Василій Мих.** (съ коварной улыбкой):— Мы знаемъ желанія этой злодѣйки.

**Юрій:**—Еще пытка... скоро ль вы насытитесь?.. Но говорите, пускай ударъ будетъ ужасенъ, но вдругъ, пускай вся мѣра зла, яда подземнаго прольется въ мою грудь... но только вдругъ—это все легче, нежели съ нестерпимой ѣдкой болью день за днемъ отщипывать кусокъ моего сердца... Говорите! я твердъ. Не бойтесь, видите!.. (дикое) видите!.. ха! ха! ха! видите, какъ я веселъ, равнодушенъ, холоденъ, точно какъ вы... (съ сильными движеніемъ, хватая его за руку) только чуръ говорить правду!..

**Василій Мих.:**—Вотъ тебѣ Христосъ (крестится). Я начну рассказывать съ начала всего дѣла, чтобъ совершенно изобличить хитрую старуху и ея помощниковъ, этихъ сестрицъ, и братцевъ, и служанокъ... За мѣсяцъ передъ смертью твоей матери [еще тебѣ было три года], когда она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Марѳу Ивановну въ коварствѣ и умоляла ее предъ Богомъ дать ей обѣщаніе любить Николая Михалыча, какъ родного сына; она говорила ей: «Маменька! онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу—замѣните ему меня... Я чувствую, что умираю». Тутъ слова ея пересѣкались, она смотрѣла на тебя; молчаливый живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что-то сказать на счетъ тебя, но рѣчь снова прерывалась на устахъ покойницы. Наконецъ она вытребовала обѣщаніе старухи... и скоро уснула вѣчнымъ сномъ... Твоя бабушка была огорчена ужасно, такъ же, какъ и отецъ твой; весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Пріѣхалъ братъ старухи, Павелъ Ивановичъ, и многіе другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Ивановичъ и повелъ твоего отца для разсѣянія погулять, и говоритъ ему, что Марѳа Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ нужна матушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать эту жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у боль-

ной бабушки и, будучи въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ со мною. Вотъ какъ все это началось...—Черезъ три мѣсяца Николай Михалычъ пріѣзжаетъ сюда, чтобъ тебя видѣть—пріѣзжаетъ и слышитъ отвѣты робкіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваетъ тебя—говорятъ, нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню. Братъ сдѣлался боленъ, душа его терзалась худымъ предчувствіемъ. Ты съ бабушкой пріѣзжаешь наконецъ... и что же? Она охладѣла совѣстѣ къ нему. Имѣніе, которое Марѳа Ивановна ему подарила при жизни дочери, и для котораго онъ не хотѣлъ сдѣлать акта, полагаясь на честное слово, оказалось совѣстѣ уже не въ его распоряженіи. Онъ уѣзжаетъ и черезъ полгода снова здѣсь является.

**Юрій.**—Я предчувствую ужасную исторію, стыдъ всему человечеству... Но буду слушать неподвижно, даюшша: только... помните уговоръ.

**Василій Мих.:**—Помилуй!.. Да будь я анаема проклятъ, если хоть слово солгу! Слушай дальше. Когда должно твоему отцу пріѣхать, здѣшніе подлая сосѣдки. . . . получили, посредствомъ ханжества, довѣренности Марѳы Ивановны, сказали ей, что онъ пріѣхалъ отнять тебя у нея... и она повѣрила... Доходить же люди до такого сумасшествія!

**Юрій:**—Отецъ... хотѣлъ отнять сына... отнять... развѣ онъ не имѣетъ полнаго права надъ мной, развѣ я не его собственность... Но нѣтъ, я вамъ снова говорю, вы смѣетесь надъ мною...

**Василій Мих.:**—Довзательство въ истинѣ моего разсказа есть то, что бабушка твоя тотчасъ послала курьера къ Павлу Ивановичу, и онъ на другой день пріѣзжа брата прискакать... Николай Михалычъ сталъ ему говорить, что слово не сдержано; что его отчуждаютъ отъ имѣнія, что онъ здѣсь на счетъ сына какъ посторонній, что это ни на что не похоже... Но этотъ езуитъ снова уговорилъ его *леко*, потому что отецъ твой благородный человекъ и судить всѣхъ по добротѣ души своей. И передъ отъѣздомъ братъ согласился оставить тебя у бабушки до 16 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы на счетъ твоего воспитанія относились къ нему во всемъ—по второе обѣщаніе такъ же дурно сдержано было, какъ первое...

**Юрій:**—И это все? не правда ли?

**Василій Мих.:**—Нѣтъ, это еще половина.

**Юрій:**—Ахъ, зачѣмъ не все... (Молчаніе). Скорѣе продолжайте; пощади меня, пощади, царь небесный...

**Василій Мих.:**—Марѳа Ивановна то же